

Теоретические дискурсы и дискуссии

О перспективах развития российской социологии в XXI веке (дискуссия с участием В. Ильина, К. Клеман, И. Олимпиевой, Е. Здравомысловой, А. Темкиной, А. Кондакова, М. Буравого, 24 марта 2015 г.)

DOI: 10.19181/inter.2019.19.1

Светлана Ярошенко*

Цель дискуссии — обсудить перспективы развития российской социологии: ее возможности объяснять происходящее в российском обществе, отвечать на социальные вызовы и представлять интересы тех социальных слоев, которые вытесняются на периферию вместе с глобальным рыночным развитием. В дискуссии участвуют российские социологи, изучающие социальное неравенство с разных перспектив и развивающие критический дискурс в российской социологии. Может ли социология быть независимой от общества и происходящих в нем процессов? Какие отношения складываются между социологами и обществом сегодня? Каковы перспективы социологии как науки, как профессии и как призвания? Каковы особенности социального заказа на социологические исследования и как на него влияет коммерческая конъюнктура? Насколько актуален для современной социальной теории классовый подход? Нужна ли сегодняшней России публичная социология и какой она должна быть? Какие измерения социального неравенства наиболее актуальны? Эти и другие вопросы были обсуждены в ходе дискуссии.

Ключевые слова: публичная социология; неравенство; классовый подход; производство социологического знания; рабочий класс; социальные проблемы

Цель панельной дискуссии — обсудить перспективы развития российской социологии: ее возможности объяснять происходящее в российском

* Ярошенко Светлана — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, svetayaroshenko@gmail.com

Модератор дискуссии — Светлана Ярошенко. Участники дискуссии: Владимир Ильин, профессор СПбГУ; Карин Клеман, доцент СПбГУ; Ирина Олимпиева, научный сотрудник ЦНСИ; Елена Здравомылова, профессор ЕУ СПб; Анна Темкина, профессор ЕУ СПб; Александр Кондаков, ассистент профессора ЕУ СПб; Майкл Буравой, профессор Калифорнийского университета (Беркли).

обществе, отвечать на социальные вызовы и представлять интересы тех социальных слоев, которые вытесняются на периферию вместе с глобальным рыночным развитием.

Светлана Ярошенко, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Первоначально для панельной дискуссии о перспективах социологии в целом и российской социологии в частности предлагался вопрос о том, возможна ли социология для рабочего класса сегодня. При этом я исходила из двух моментов. Во-первых, из идеи публичной социологии, которая ориентирована на неакадемическую социологию и предполагает обсуждение целей и задач, стоящих перед социологами в этой связи. Во-вторых, из результатов исследований, которые я вместе с коллегами из Коми научного центра проводила на протяжении последних двух десятилетий в Республике Коми (северном регионе Российской Федерации). Согласно нашим исследованиям, именно рабочие промышленности первыми испытали негативные последствия рыночного реформирования. Постепенно в эти процессы вовлекались другие социальные слои, в том числе профессионалы и социальные ученые. Более того, в настоящее время проходит реорганизация системы образования и университетов, усиливается конкуренция внутри сообщества, растет привлекательность индивидуальных стратегий и усиливается невидимость проблем, с которыми сталкиваются вытесняемые на периферию... Однако моя идея вызвала довольно острую критику на Правлении Санкт-Петербургской социологической ассоциации. Мне сказали, что это невозможно — по крайней мере, следует говорить о трудящихся, и даже этого недостаточно. Тем не менее я сочла нужным заострить этот момент, вынести его на обсуждение. Я согласилась на расширение вопроса, признав, что социологам важна кооперация и сохранение сообщества и шире — общества. Исходила также из того, что труд сейчас не является однозначным понятием: если раньше труд связывался с физическими усилиями, то сегодня к нему относятся забота, уход, эмоциональная работа и производство знания. В настоящее время не только знания превращаются в товар, но и другие значимые для нас ценности. Наконец, я согласилась на расширение фокуса, поскольку ощущаю негативное отношение к рабочему классу и знаю, что дискуссия о рабочем классе в научных изданиях не развивается. Более того, существует критика в целом в социологии относительно полезности категории «класс». И все же считаю, что имеет смысл обсудить, что нам, социологам, дает подобное расширение и переход от рабочего класса к трудящимся классам. С этим связаны и другие дополнительные вопросы. Позволяет ли подобное расширение объяснять, что происходит в российском обществе? Может ли одна публика или одно сообщество представлять все общество? Может ли вообще академическое сообщество представлять интересы других? Позволяет ли концентрация на собственных интересах и сложностях, с которыми сейчас сталкиваются социологи в свете текущей реформы системы образования и науки, глубже понять проблемы других, которые оказались на периферии раньше нас?

Владимир Ильин, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Я думаю, что тема, которая сегодня поставлена на обсуждение, является продолжением той проблематики, которую сегодня обсуждал Майкл Буравой: о соотношении социологии и ценностей. Тут два важных момента, которые стоит обсудить. Первый — это социология для себя или социология для кого-то. Социология для себя — это наука ради науки, литература для литературы, искусство для искусства. И если мы реалистично посмотрим на социологию как на профессию, то увидим, что профессия предполагает продажу услуг. А если продажа услуг, то кому? В качестве покупателя выступают: государство, фирмы, министерство, университет, грантодатели. И как только тыходишь в поле социологии, где зарабатывают деньги, ты становишься вынужден слушать тех, от кого зависит твое существование и у кого существует своя точка зрения. В одних случаях это жесткое навязывание, а в других — мягкое. Мягкое проявляется в том, что если ты подаешь заявку на грант, то есть темы проходные и непроходные. Поэтому быть социологом-профессионалом и не зависеть от чьих-то групповых интересов — невозможно. Но в то же время есть социальные группы, *группы интересов*, которые не в состоянии оплачивать услуги социологов. Это те же рабочие, разного рода меньшинства, тот же андеркласс и так далее. И здесь перед социологом возникает дилемма: либо профессионально работать на тех, кто имеет деньги, либо в качестве волонтера обслуживать интересы разного рода меньшинств, представлять те группы, которые находятся под прессингом общества, под прессингом государства. Иными словами, социология возможна разная: для рабочего класса, для менеджмента, для буржуазии, — но здесь важно, чтобы социолог понимал, где он выполняет работу в качестве независимого ученого, а где он выполняет чей-то заказ.

Второй сюжет касается структуры социологии. И здесь следует выделить два блока. Первый блок касается теоретической социологии, стремящейся освободиться от чьих-либо ценностей и производить объективное знание. Другой блок — это прикладная социология, ориентированная на решение практических проблем. Для социолога это социальные проблемы. Два разных фокуса и две разных логики. В таком случае необходимо четко понимать, когда социолог переходит из одного блока в другой: где он теоретик и создает теорию, а где — практик, решающий конкретные проблемы, будь то рабочих или кого-то еще. Поэтому чувство границ, где социолог переходит из одного качества в другое, на мой взгляд, невероятно важно. Таким образом, есть социология для социологии — это один блок. А с другой стороны — социология для кого-то, социология как профессия и как услуга. И социолог должен чувствовать, как эти два противоречия, эти два взаимоисключающих основания можно примирить.

Карин Клеман, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Я немножко по-другому рассматриваю проблему. Начну с вопроса о том, нуждается ли сегодня Россия в публичной социологии.

На мой взгляд, нуждается. И это не значит, что мы должны обслуживать кого-то, какой-то класс. Это значит, что у нас — социологов / социальных ученых — есть потенциально огромная роль: повлиять на общественную дискуссию, на то, как люди себе представляют, в каком обществе они сегодня живут. С одной стороны, пока преобладает консервативная и провластная идеология. С другой стороны, в качестве альтернативы представлены либо националистические, либо пролиберальные рассуждения. А где здесь «трудящиеся массы», где «большинство», которое подвергается эксплуатации, которое подвергается отчуждению? Где те две трети населения, которые не могут высказаться, которые не слышимы или которые, еще хуже, представляют свое положение как «естественное»? Они бедные, они эксплуатируемые — это само собой. Они — неудачники, потому что не вписываются в рыночную систему. Поэтому я вижу огромное поле для социологической работы, в том числе для профессиональных социологических исследований: не надо быть ангажированным, надо просто смотреть, где эти люди живут и что они делают. А пока что доминирует в социологии какое представление об обществе? Что общество пассивно, патерналистски настроено, люди аполитичны и сервильны. За двумя исключениями, когда социологи обратили внимание на социальные движения в двух случаях: во время перестройки и в период недавнего массового выступления за честные выборы 2011–2012 годов... которые происходили в основном в Питере и Москве... А где все остальные? Они же существуют — все эти социальные низовые, локально-организованные инициативы: почему мы так мало их изучаем? Ведь они есть. Вы можете приехать в любой город, и вы их найдете. Это не значит, что у нас есть миссия, что мы должны быть ангажированы. Но это значит, что изучение этих инициатив дает огромное знание, важное для всего общества, а не только для этих инициатив. Речь идет о потенциале самоорганизации людей, живущих в самых худших условиях, которые подвергаются исключительной эксплуатации и, тем не менее, находят возможность активизации и даже политизации. Более того, возникают ситуации, когда между такими инициативами создаются мосты, появляются коалиции, и они, начиная с очень узких проблем, выходят на более широкий уровень солидарного и даже политического действия. А это процесс обобщения, активизации, политизации. Разве нам это неинтересно? Поэтому я бы призвала социологов больше ездить в регионы, больше общаться с простыми людьми. У меня такое ощущение от постсоветской социологии, что социологи не хотят общаться с людьми. Ну, ладно, если люди еще москвичи или питерцы: образованные, просвещенные, — тогда еще ладно. А вот это «быдло» — зачем его изучать?

Я так говорю, потому что многие так пишут. Я сама так не считаю и не разделяю такой взгляд. Поэтому я призываю больше общаться, а также поднимать, изучать и озвучивать проблемы, связанные с социальным неравенством. Я поражена, насколько люди себя не ощущают эксплуатируемыми. Они зарабатывают копейки, считая это «естественным», что это их цена, это

рыночная логика. И если читать то, что пишут в основном социологи — есть исключение, и все больше и больше, — то пишут о каком-то абстрактном социальном неравенстве, которое встречается, но словно на Луне или в каком-то другом пространстве, но не в реальной жизни. И даже те, кто живут так бедно, подвергаются эксплуатации, даже они не поднимают вопросов о социальном неравенстве. Поэтому я вижу нашу задачу (или, по крайней мере, свою задачу) в том, чтобы помочь им сформулировать проблему, с которой они сталкиваются.

Ирина Олимпиева, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Я, честно говоря, представляла себе задачу несколько уже, полагая, что мы будем говорить именно о трудовых отношениях, о трудящемся классе. Поэтому в своем кратком выступлении я затрону не вопросы социологии вообще, а конкретной предметной области социологии. Действительно, когда мы на заседании СПАС обсуждали тему дискуссии «Возможна ли социология для трудящихся классов?», то первая реакция была отрицательная. Потому что непонятно, что такое социология класса, кто такие трудящиеся классы. Но затем, поразмыслив сутки, как говорят, переслав с этой мыслью, я попыталась понять, что же вкладывается в это понятие — «социология для трудящихся классов», пришла к выводу, что речь идет о представлении интересов людей труда. И так, как Светлана говорила: через призму других отношений — гендерных, этнических, миграционных. Это сочетание людей труда, включенных в экономику, а с другой стороны — комплекс социальных проблем. Есть такая дисциплина: индустриальная социология. Она ровно об этом, поскольку ее предметом являются индустриальные отношения, отношения между работником и работодателем. И не на индивидуальном уровне, а на уровне коллективных интересов, на уровне взаимоотношений труда и капитала, а также и государства. Она почему-то выпадает, когда говорим о противостоянии между трудом и капиталом. Я думаю, это неправильно. На самом деле индустриальная социология прекрасно моделирует взаимодействие труда, капитала и государства в разных странах, исходя из конкретики, из специфики тех или иных стран, экономик и обществ, всех этих аспектов. Сочетание / название «индустриальная социология», подобно «рабочему классу», звучит несколько архаично. И это не удивительно, поскольку она формировалась в середине прошлого века, переживая серьезный взлет в Европе и Америке, продолжает существовать сейчас, хотя и не столь победно шествуя по социологическому миру. Но если мы посмотрим на спектр проблем, которые освещаются индустриальными социологами, то там выпадают и гендерные проблемы, и этнические проблемы, и проблемы миграции, — все те проблемы, которые можно рассматривать через призму занятости и призму наемного труда. Я хочу сказать, что поскольку у нас такая догоняющая модель капитализма, то, возможно, нам тоже пора серьезно развивать индустриальную социологию. Потому что, по сути дела, в России индустриальной социологии нет. Есть социология труда, которая фокусируется на процессе труда и на отношениях между рабочими и работодателями, но больше

на индивидуальном уровне. У нас есть социология общественных движений, но она больше обращает внимание на конфликты, а не на взаимодействие интересов этих трех сторон, которые бы способствовали развитию оптимальной модели, такого серьезного теоретического и эмпирического анализа проблем нет. А это очень важная область, которая выпадает из современной российской социологии.

Другой важный момент, который я хотела бы отметить, вновь обращаясь к дискуссии по поводу «социологии для трудящихся классов». В первую очередь вызывает протест момент ангажированности такой социологии, ее фокус на защите интересов людей труда или трудящихся классов. С этой точки зрения индустриальная социология прошлого века также была ангажирована и сейчас постепенно меняется, преодолевает в себе это качество. И поскольку профсоюзы обладали монополией представления коллективных интересов труда, то возникало ощущение, что такая социология занимается профсоюзами. Во-первых, это не так. Во-вторых, сейчас в индустриальной социологии появляется много интересных исследований об интересах капитала, государства и т.д. Я хочу сказать, что социология не должна представлять чьи-то интересы, а должна изучать интересы. Мы знаем, что любые перекосы в представлении интересов труда, капитала и государства приводят к очень негативным последствиям для экономики и общества. Причем не только в сторону капитала, но и в сторону труда, когда излишняя сила и власть находятся на стороне труда, то из этого тоже ничего хорошего не происходит, чему нас, собственно, научил опыт глобализации. Этому много примеров. Что касается защиты интересов, то опыт наших исследований предпринимательства показал, что защищать надо также и бизнес — не меньше, чем людей труда. Потому что предприниматели и капитал являются движущей силой развития экономики. Я не имею в виду олигархов и людей, которые обогащаются на каких-то вещах. Но и нормальные, так сказать, предприниматели оказываются незащищенными. И я хочу закончить на том вопросе, с которого начала Карин свое выступление: кому нужна такая социология? К сожалению, мы занимаемся такими исследованиями на протяжении последних лет. И если в начале у нас было одно-единственное исследование, финансируемое за счет российского гранта, то больше получить какое-то финансирование на изучение рабочего класса, трудовых отношений, профсоюзов мы не смогли. Поэтому у нас фактически получается сейчас «социология как призвание», потому что мы продолжаем такие исследования исходя из собственного научного интереса. Мы общаемся с профсоюзами, с независимыми и классическими профсоюзами, исследование продолжается, но институционального запроса на такую социологию и такие исследования, к сожалению, нет.

Елена Здравомыслова, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я продолжаю эстафету и хочу развить тему о том, что лучше, наверное, говорить о социологии здесь и сейчас, то есть о том, что происходит с социологией в нашем российском обществе. Потому что вся повестка дня: публичная социология или социология как призвание, — она очень контекстуальна. Я об этом сужу по своему опыту, потому что

я социолог во втором поколении. И я хочу сказать о нескольких вещах, которые меня волнуют. Конечно, это не полный список того, что меня волнует как человека, который посвятил этой профессии всю свою жизнь. И я сейчас говорю о том, что меня волнует не в порядке приоритетов, а достаточно хаотично. Во-первых, меня волнует социологическая попса. И этот термин придумала не я, а этим термином пользовался наш коллега Павел Романов, недавно ушедший из жизни. Он даже предпринимал попытку организовать круг исследований, посвященных вульгаризации социологии в СМИ, в общественном мнении. Тому, как она видится нашими согражданами и как представляется. Это очень важно, потому что в этом смысле социология становится публичной. Какие бы ни были у нас привязанности, мы производим социологическое знание, оно становится общим только тогда, когда становится объектом коллективного обсуждения. И вот мы видим, как мое любимое, вернее, уже не очень любимое, но единственное радио, которые я слушаю — «Эхо Москвы», мы видим, как они там проводят опросы в программе «Разворот», например. И это ужасно. Мы видим, как там преподносятся результаты массовых опросов. Конечно, эти массовые опросы являются инструментом политического воздействия в конкретных ситуациях, потому что они используются политиками, используются актерами и они могут интерпретироваться как угодно, а инструментов мы не видим. И мы, социологи, знаем, как пользоваться такими инструментами: для чего-то они годятся, но не для того, для чего они используются. И то, как видится социология нашим гражданам — это такая социология, с которой я не хочу, чтобы меня идентифицировали. А другие исследования, более интересные, оказываются на периферии внимания. И я думаю, что надо поработать с тем, что такое социологическая попса и вульгаризация социологии, какие формы она принимает здесь и сейчас, в конкретном контексте.

Второй тезис связан с тем, что существует политизация социологии, что в принципе в нашем обществе больше, чем во многих других, развитие социологии и производство социологического знания, может, в меньшей степени, чем образование, очень зависят от политического режима. Это сказывается на выборе тем. Это связано и с контролем над производством знания в разных формах, и с тем, что появляются барьеры для международного сотрудничества, появляются наши собственные опасения, у нас появляются профессиональные страхи, связанные с конкретными политическими контекстами, нашим рабочим местом, нашими исследовательскими проектами, нашим профессиональным будущим. Надо отдавать себе отчет в том, что политический режим и производство социологического знания очень сильно связаны. Это второй такой тезис. Я думаю, что это требует внимательного изучения. Думаю, что в Европейском университете мы это будем обсуждать на ежегодной конференции с участием молодых исследователей.

Еще мне представляется, что методологически социологи, я в том числе, очень наивные люди. Возможно, эта наивность эвристична. Но мы должны немножко понимать, что надо рефлексировать, все-таки дистанцироваться от этой наивности. Есть наивный взгляд беспристрастного социолога

и вера в то, что мы, интеллектуалы, поднимаемся над реальностью, смотрим сверху и выдаем объективную истину. Ведь у нас большинство социологов и в целом профессионалов до сих пор так и считают, что мы в состоянии произвести неангажированное знание, потому что мы профессионалы. Но этот взгляд наивен. Феминистская теория это доказала, и политическая философия это доказала. Но есть не менее наивный взгляд, такой глубоко ангажированный, согласно которому почему-то считается, что, будучи исследователем, можно напрямую представить взгляд угнетенных или угнетателей. Это невозможно, потому что мы лишь трансляторы, интерпретаторы, потому что прямой передачи не существует. И у нас есть такие наивные люди. И хорошо, что есть. Поле должно наполняться разными моделями и представлениями, разными наивностями. И третья наивность — это наивность социологов-идеологов, которые считают, что роль социологии — это воспитание моральное, формирование национальной идеологии. У нас, я имею в виду в России, есть такая Ассоциация, которая в уставе своем так и заявляет. Это искренняя вера, которую эти идеологи унаследовали от предшествующего этапа развития страны, в которой мы живем. Но что делать с этими тремя наивностями? Это наша повестка дня — мы с ними имеем дело. Наверное, надо по этому поводу определяться каждому из нас. Я не уверена, что это можно сделать групповым образом. Но определяться приходится. Я, например, определяю себя скорее наивно ангажированной, чем другой. И напоследок я хочу напомнить, чтобы мы не забывали наших коллег, которые ушли от нас. Мы же забываем очень быстро. Может, вы помните Геннадия Батыгина, основателя «Социологического журнала». Он очень много тратил сил на анализ советской социологии, собирал материалы. Он развивал идею, что она идеологична даже когда критична, имея в виду встроенность в государственный проект, что наша проблема — освобождение от этого. Но он привел такую замечательную метафору, что социологи, как и собаки, делятся на охотничьих, декоративных и служебных. Конечно, это шутка. Но в каждой шутке есть доля истины. И что такое тогда «охотничьи»? Это настоящие исследователи. А служебные — это сторожевые псы режима. Извините меня за собачьи метафоры. И третьи — декоративные, живущие в башнях из слоновой кости.

Анна Темкина, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я хочу порассуждать о публичной социологии на примере гендерных исследований. У меня четыре тезиса на эту тему. Первый тезис — признательность Майклу за высокую оценку того, что мы вместе с Еленой Здравомысловой делали в сфере гендерных исследований, развивая публичную социологию. Но я бы сказала, что если это не преувеличение, то преждевременное утверждение. И зависит от того, на каких уровнях рассматривать публичную социологию. Если говорить об уровне общества, то публичная социология развивается и дает плоды в связи с гендерными отношениями в тех обществах, где происходит гендерная революция. В нашем обществе происходит гендерная контрреволюция и развивается консервативный дискурс, который удивительным образом становится все

более и более гендерно информированным. Сейчас уже умеют использовать категории гендерных исследований, и я не уверена, что это хороший «вклад» публичной социологии, которая донесла до тех рядов, что есть такое ужасное конструирование гендера, изменившее гендерные роли и патриархальную семью. Этот эффект заметен. Второй уровень, к которому я отнеслась бы с большим оптимизмом — это уровень условной социальной нормативности и создание в нашем современном обществе огромного количества разных социальных ниш, напоминающих «второе общество», существующее в параллельной реальности, которое развивается во всяких культурных проектах, социальных проектах, театральных проектах. Много всего, такого живого, новейшего, экспериментирующего, иногда политизированного или менее политизированного. Конечно, в этом много всяких феминистских инициатив и гендерных исследований. Они есть в университетах, они есть в социальных сетях, они есть на фестивалях, на выставках. Этого всего много, хотя и связано мягкой такой сетью. И тут, конечно, публичная социология, если так ее можно назвать, хоть и хочется назвать ее как-то иначе, но она на эти социальности влияет довольно сильно. И тут как-то, кто этим занимается в академии, может и не напрямую, но с ней связаны. Социолог в этих сетях занимает определенное место. Если говорить о третьем — академическом уровне, то здесь есть очень большой вклад в то, что опосредованно влияет на некий аналог публичной социологии. Потому что есть развитие и теории, и методологии, и методов исследования, есть аналитический вклад в науку и признание исследователя в том, какие вопросы выносятся на повестку дня и обсуждаются. И здесь есть исследования разных уязвимых групп, необязательно трудящихся, поскольку есть большее количество разных уязвимых групп. Мы сейчас активно используем и продвигает термин *intersectionality* (интерсекциональность, уже стали говорить на русском языке), который говорит о всяких неравенствах на пересечении этничности, сексуальности, гендера, возраста, класса. И дальше тут много что можно добавить к обнаружению этих уязвимостей в особом положении, в особом локальном контексте. Тут есть теория Патрисии Коллинз, которая позволяет нам все это объединить, включая позиционирование исследователя и исследуемых, а также рефлексии по поводу взаимоотношений между ними в процессе исследования. Это общий феминистский посыл. А с другой стороны, в нашем контексте исследовательские тематики уязвимых групп делают и социолога уязвимым. Допустим, при изучении проблем насилия в семье тут же в обществе находятся некие ресурсные группы, которые настаивают на том, что нет никакого насилия в семье и быть не может, здесь обсуждать нечего, поскольку это только разрушает семью. И по большому количеству тематических разных направлений, которые делают социолога, исследующего эти направления, тоже уязвимым. И, наконец, самое последнее, что я хочу сказать, что в таком смысле определяя публичную социологию, связанную с определенными направлениями социальной мысли, они делают уязвимым социолога не только во взаимодействии с определенными сегментами политического истеблишмента, но и делают его маргинальным

в социологическом сообществе. Потому что социологическое сообщество так или иначе выносит такие исследования на периферию. Получается много направлений развития, все в среднем сопротивляются, кроме этой вот социальности, но такая позиция довольно трудная, уязвимая.

Александр Кондаков, ассистент профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я думаю, что от меня никто не ожидает, что я буду говорить о том, какая социология нужна, какая социология существует и должна быть. Поэтому я расскажу о своей позиции, которую я занимаю в социологии. И таким образом через свою позицию постараюсь показать, что социология рабочего класса, как минимум, возможна, если хотя бы один человек этим занимается. Только для этого мне понадобится переопределить рабочий класс. Наверное, переопределить этот рабочий класс мне придется в терминах того, что Майкл Буравой назвал радикальной социологией. Поскольку для меня рабочий класс в тех исследованиях, что я занимаюсь, это социальная позиция, которая характеризуется уязвимым положением, что сегодня уже принято называть прекарностью. И эта теория мне представляется заимствованной из американской социологии 1970-х гг., потому что там тогда категории гендера, сексуальности и расы были определены как классовые. Вот это тот подход, который для меня актуален в моих исследованиях. Соответственно, методологическая перспектива, с которой я подхожу к таким исследованиям — критическая. В критических исследованиях права и общества я фокусируюсь на отношениях государства и гражданина, учитывая и другие возможные факторы влияния, например, рынок. И к числу исследований, которые нуждаются в переопределении класса, можно отнести исследования геев и лесбиянок, которые я проводил и провожу. И политические тактики, и регулирование сексуальности, и сопротивление регулирующим порядкам меня особенно интересуют с критических позиций. В этом процессе обращает на себя внимание широкое пространство регулирующих порядков: государственное право, режим прав человека, насилие, в том числе государственное, рынок и инертные версии регулирующих порядков типа духовности. С критических позиций я уделяю особое внимание власти, которая скрывается за этими порядками. В результате я не пытаюсь обнаружить социальные проблемы, а обращаюсь к положению человека, лишённого голоса, с тем чтобы этот голос предоставить. Но здесь моя позиция двоякая, поскольку в стремлении предоставить голос угнетенным я этот голос и апроприрую. Избежать этого можно методически, только показав полифонию этих голосов. При этом я солидаризируюсь здесь с радикальными социологами в признании необходимости социальных изменений. Последнее, что хотелось бы отметить — это институциональные рамки российской социологии. Безусловно, публичных площадок для представления результатов таких исследований практически нет. Например, журналы на русском языке чаще всего маркируют такие исследования как ангажированные, соответственно, ненаучные и недостойные публикации.

Майкл Буравой, профессор Калифорнийского университета (Беркли). Для меня это обсуждение как работа в поле. Очень интересно.

При ответе на вопрос о том, возможна ли социология для рабочего класса, в ряде случаев прозвучали сомнения относительно того, что значит «рабочий класс» сегодня. Но ответ, тем не менее: да, возможна. В Бразилии в 1990-х гг. была социология для рабочего класса. В Южной Африке в 1980-х гг. также была социология для рабочего класса. В Англии и США в 1970-х гг. очевидно была социология для рабочего класса. Были тесные отношения между социологами и рабочими, социальными движениями, профсоюзами: отношения в различных формах. Иными словами, социология для рабочего класса была возможна. Но вопрос в том, возможна ли она теперь. И, конечно, серьезный вопрос в том, что представляет рабочий класс сегодня. Для Бурдьё, которого сегодня на удивление никто не упомянул, это был бы вопрос о том, является ли рабочий класс активным агентом. Для российских социологов чаще это разговор не о пролетариате, а о прекариате. Гай Стендинг отметил, что пролетариата больше не существует, но есть прекариат. Тем не менее это серьезный вопрос о том, что представляет собой рабочий класс. Другой важный момент о том, что такое социология рабочего класса. И в дискуссии поднимались вопросы о том, как изучать рабочий класс. Это, конечно, сложный вопрос. Наконец, вопрос о том, что такое социология для рабочего класса. Это может быть традиционная органическая публичная социология. Елена и Анна отмечали, насколько сложно социологам включаться в публичную дискуссию. При этом мы, социологи, дискутируем с действительно влиятельными группами, в том числе СМИ, которые представляют альтернативу публичным социологам. Но, тем не менее, и здесь ответ очень простой: это возможно. Другое дело, что здесь всегда существует методологический вопрос о социологии рабочего класса, который, возможно, следует решить до того, как мы станем социологами для рабочего класса.

Светлана Ярошенко. Я убеждена, что возможна социология для рабочего класса. Необходимо только четко представлять, что это за социальная группа, с какими проблемами сталкивается и почему. Более того, необходимо соединить такой анализ с пониманием системы в целом, не останавливаясь на анализе исключительно группового положения. На мой взгляд, часто при изучении отдельных сообществ не возникает перехода на более широкий уровень. Между тем воронка расширяется: туда, где сначала оказались рабочие, затем попали служащие, а теперь мы говорим и о профессионалах, подверженных нестабильной ситуации. В наших исследованиях мы сначала изучали рабочих, потом тех, кто обратился за помощью в органы социальной защиты: и там уже были разные группы (служащие и специалисты). Теперь я могу сослаться на результаты исследования в одном из депрессивных районов Республики Коми, где уже жители целого города находятся в сложном положении. Иными словами, круги расширяются. В таком случае нужно иметь в виду, что возможности и преимущества тех или иных групп в большом мегаполисе формируются в рыночной системе за счет вытеснения на периферию многих других.

Дата поступления: 20.05.2019

.....

**Prospects for the Development of Sociology in Russia
in the XXIst century (discussion with V. Ilyin, K. Clement,
I. Olimpieva, E. Zdravomyslova, A. Temkina, A. Kondakov,
M. Burawoy, March 24, 2015)**

DOI: 10.19181/inter.2019.19.1

Svetlana Yaroshenko

Yaroshenko Svetlana — Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Comparative Sociology, St. Petersburg State University, svetayaroshenko@gmail.com.

Panelists: Vladimir Ilyin, Professor at St. Petersburg State University; Karine Clement, Associate Professor at St. Petersburg State University; Irina Olimpieva, Researcher of the Centre for Independent Social Research; Elena Zdravomyslova, Professor of the University of St. Petersburg; Anna Temkina, Professor at the European University; Alexander Kondakov, Assistant Professor at the European University; Michael Burawoy, Professor at the University of California (Berkeley).

The purpose of the discussion is to discuss the prospects for the development of Russian sociology: its possibilities to explain what is happening in Russian society, to respond to social challenges and to represent the interests of those social strata that are crowded out to the periphery along with global market development. Russian sociologists who study social inequality from different perspectives and develop critical discourse in Russian sociology participate in the discussion: Vladimir Ilyin (St. Petersburg State University), Karin Clement (St. Petersburg State University), Irina Olimpieva (Centre for Independent Social Research), Elena Zdravomyslova and Anna Temkina (European University St. Petersburg), Alexander Kondakov (European University St. Petersburg), with closing remarks — Michael Burawoy (University of California, Berkeley). Moderator of the discussion — Svetlana Yaroshenko (St. Petersburg State University). Can sociology be independent of society and the processes occurring in it? What is the relationship between sociologists and society today? What are the prospects of sociology as a science, as a profession and as a vocation? What are the features of social order for sociological research and how does it affect the commercial environment? How relevant is the class approach to today's social theory? Does today's Russia need a public sociology and what should it be? What are the most relevant dimensions of social inequality? These and other issues were discussed during the discussion.

Keywords: public sociology; inequality; class approach; production of sociological knowledge; working class; social problems.

Received at: 20.05.2019